

КОСТРОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

№ 3-4 (15-16)

МАРТ-АПРЕЛЬ 2009

Журнал учрежден и издается
Костромской епархией
Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата)
по благословию архиепископа
Костромского и Галичского
АЛЕКСАНДРА.

Издание начато в 1885 году,
возобновлено в 2008 году.
Выходит ежемесячно.
Тираж 3000 экз.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС69-1684Р
от 12.02.2008 г.,
выдано управлением
Федеральной службы
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия
по Тверской области.

Главный редактор -
игумен Харитон (Просторов).

Адрес редакции:
156000, г. Кострома,
ул. Богоявленская
(Симановского), д. 26-а.
Тел./факс: (4942) 31-64-73.
E-mail: kev44@inbox.ru

Над журналом работали:
священник Андрей Казарин
священник Евгений Иванов
священник Андрей Вавилов
диакон Роман Головин
иеродиакон Макарий (Теплов)
диакон Михаил Мостовой
Кирилл Мартюшов

На первой странице обложки -
Кострома, Свято-Троицкий
Ипатьевский мужской
монастырь.

На последней странице
обложки - 19 апреля 2009 года,
после Великой вечерни
в Богоявленско-Анастасином
кафедральном соборе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Обращение архиепископа Костромского и Галичского Александра перед началом Великого поста	2
Обращение архиепископа Костромского и Галичского Александра в день празднования Феодоровской иконе Божией Матери 27 марта 2009 года	4
Пасхальное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви	6
Пасхальное послание архиепископа Костромского и Галичского Александра всечестному духовенству, преподобному монашеству и боголюбивой пастве Костромской земли	8
Хроника Костромской епархии: февраль - март 2009 года	10

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

“В этом для меня и радость, и счастье, и всё...” Беседа с игуменией Алексией (Ремизовой)	26
---	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Архиепископ Костромской и Галичский Александр. Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг	31
--	----

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ ОСТРОГСКИЙ (1877-1937): ЖИЗНЬ И ПОДВИГ

Среди священнослужителей нашего края, принявших мученическую кончину в годы гонений на Православную Церковь в XX веке, верующим Костромы особенно памятно имя протоиерея Павла Острогского – служившего в Александро-Антониновском храме в Селище и расстрелянного в Казахстане в 1937 году. Данная работа, предлагаемая вниманию читателей, призвана обобщить результаты исторических исследований, посвященных этому выдающемуся пастырю, и проанализировать документальные свидетельства о последних годах его жизни.

Павел Федорович Острогский принадлежал к семье потомственных служителей Церкви. Его прадед Иван Андреевич Острогский был пономарем Никольского храма в селе Боговском Макарьевского уезда Костромской губернии¹; от второго, древнего названия села – Острог – произошла и их фамилия. Слово «острог» в старину обозначало не тюрьму (как это было принято впоследствии, начиная с XVIII века), а пограничное деревянное укрепление, имевшее ограду из бревен, острых кольев и плетня. В XV-XVI веках по рекам Волге, Немде и Куси (на последней стоит село Боговское, «Острог тож») казанские татары проникали к Галичу, и Острог входил в оборонительный рубеж; здесь до настоящего времени сохрани-

лись остатки земляных валов. Краевед Д.Ф. Белоруков отмечает: «Память о татарах осталась в названиях бывших деревень Ханово, Татаркино. У села Боговского находили кольчуги, мечи, другие остатки военного снаряжения»². В 1804 году³ у Ивана Андреевича родился сын, названный Родопианом, который впоследствии также стал пономарем Никольского храма села Боговского; этот храм ранее был деревянным, а взамен него воздвигли величественный каменный, двухэтажный, завершённый постройкой в 1814 году.

В семье Родопиана Ивановича и его супруги Надежды Федоровны было девять детей; вторым из них стал сын Федор, родившийся в 1831 году. Федор Родопианович поступил в Костромскую духовную семинарию, однако 20 декабря 1852 года⁴ уволился из ее высшего отделения «по болезненному своему состоянию»⁵. Вступив в брак с уроженкой села Прискоково Костромского уезда⁶ Елизаветой Павловной Веньевой, он 9 марта 1854 года был рукополо-

*Никольский храм села Боговского.
Фото 2007 года.*

жен епископом Костромским и Галичским Филофеем (Успенским; 1807-1882)⁷ во диакона к Христо-Рождественскому храму села Прискоково. Здесь у диакона Феодора родились шестеро детей: Анна (в 1858 году), Мария (в 1862), Еликонида (в 1864), Лидия (в 1866), Александра (в 1875) и последним – сын Павел (7 июля 1877 года). При крещении младенец Павел получил имя в честь святого мученика Павла Кесарийского (Палестинского), память которого совершается 16 июля по старому стилю⁸.

4 июля 1882 года отец Феодор был рукоположен епископом Кинешемским Геннадием (Левицким; 1818-1893) во священника к Никольскому храму села Никольского, что в реках, Галичского уезда. Семья Острогских переехала к новому месту служения. Павел, окончив Галичское духовное училище (в котором учился с 1888 года), в августе 1892 года был принят в Костромскую духовную семинарию и окончил ее в июне 1898 года по второму разряду. По завершении обучения в семинарии Павел Острогский стал учителем церковно-приходской школы на своей родине, в селе Прискоково – это назначение состоялось 11 января 1899 года⁹. Кроме основных уроков, он занимался с мальчиками церковным пением. 24 мая 1901 года епархиальный училищный совет отметил,

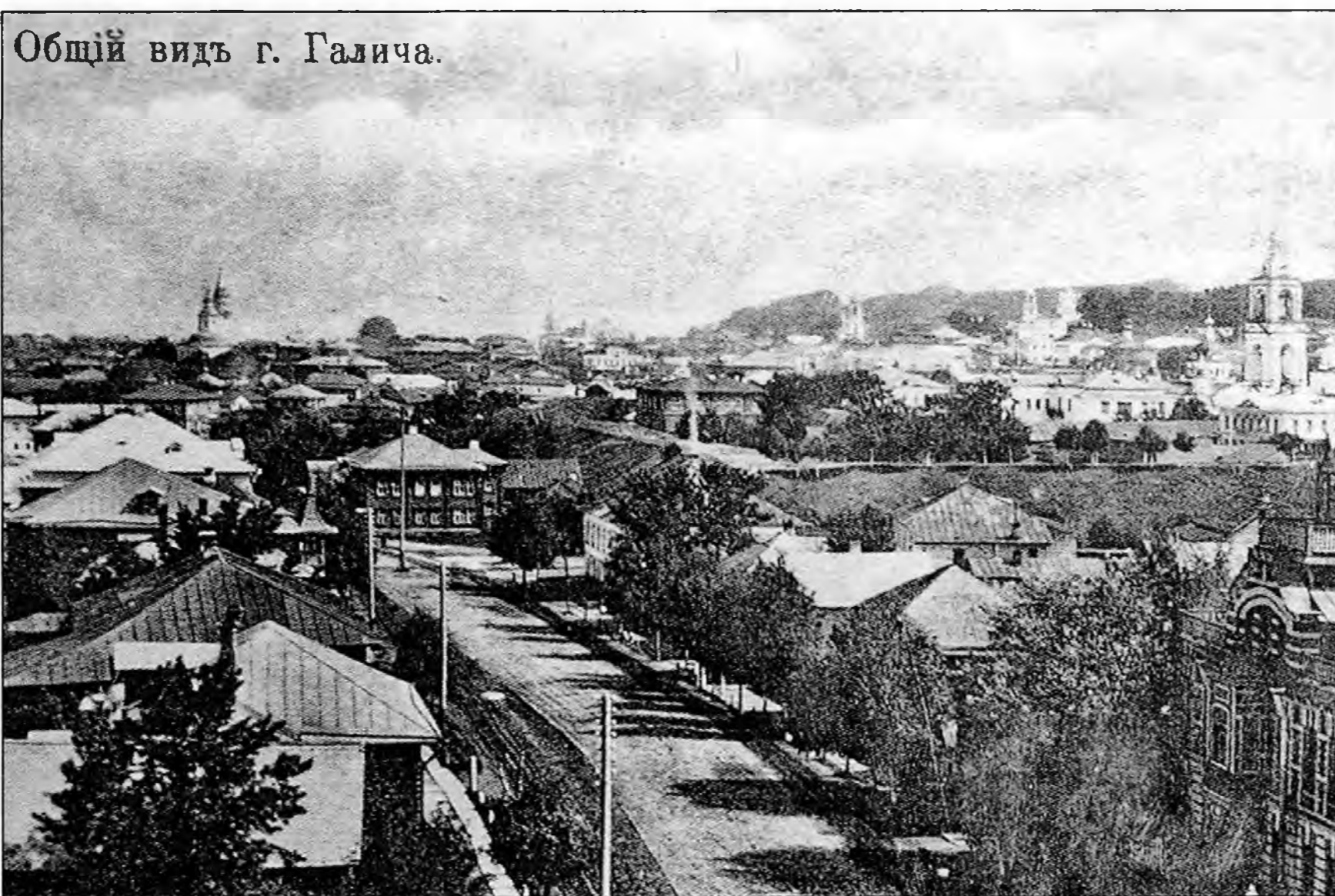
Восстанавливающийся Христо-Рождественский храм в селе Прискоково. Фото 2009 года.

что за время своей работы в церковно-приходской школе учитель Павел Острогский «отличался выдающимся усердием к своему делу и успешным ведением занятий. Кроме того, г[осподин] Острогский открыл при названной

школе воскресно-повторительные занятия для взрослых и был главным участником устроенных по его же инициативе религиозно-нравственных чтений»¹⁰.

30 апреля 1901 года двадцатитрехлетний Павел Острогский вступил в брак с восемнадцатилетней дочерью священника Никольского храма села Трестино Кост-

Общій видъ г. Галича.

Вид города Галича. Фото с открытки начала XX века.

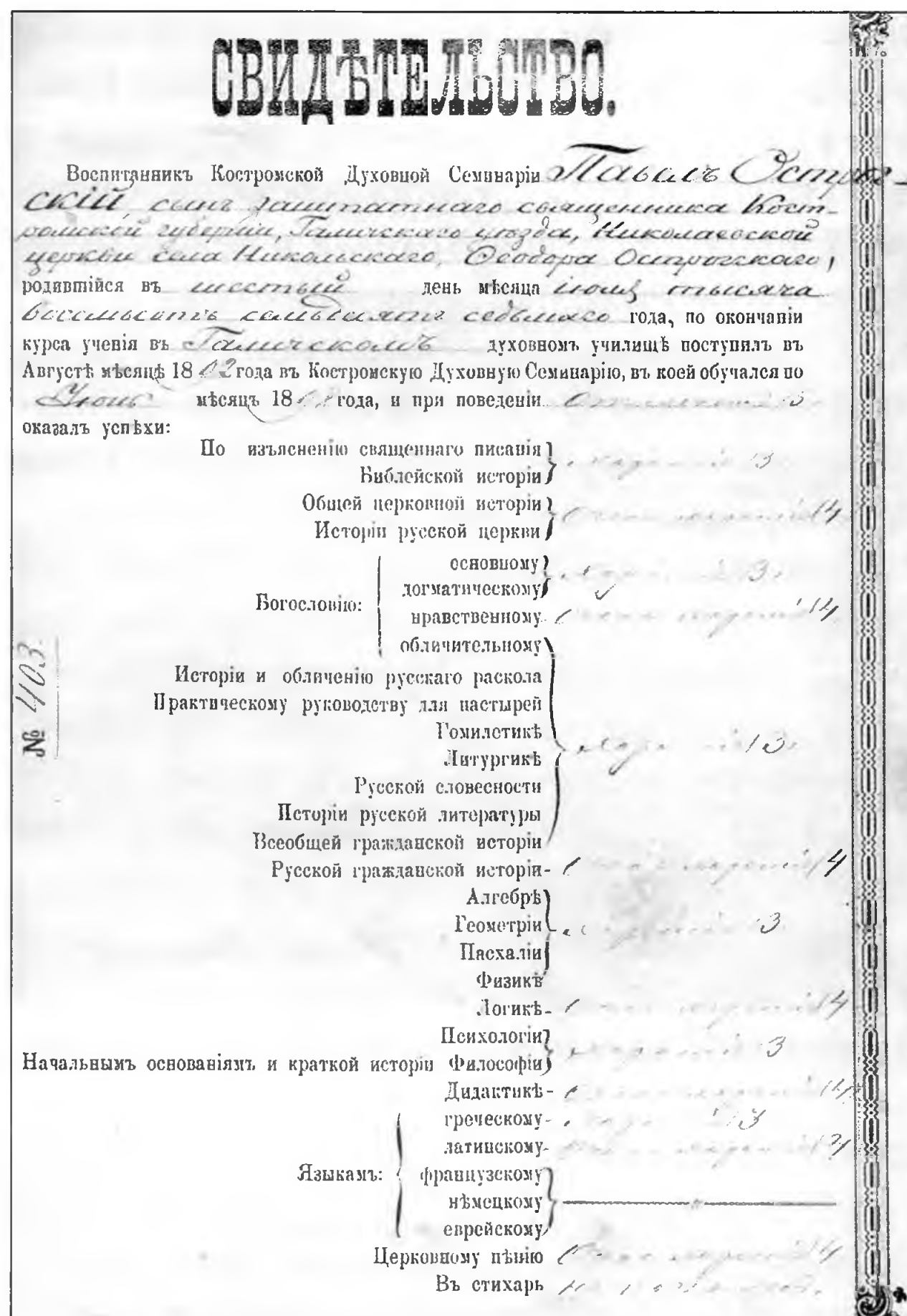
ромского уезда Елизаветой Александровной Парийской. Таинство венчания в том же храме села Трестино совершали священник Никольской церкви села Никольского Галичского уезда Павлин Алякритский¹¹ и диакон Успенского храма села Иванниково Костромского уезда Аркадий Парийский. Елизавета Александровна, супруга Павла Острогского, окончила Костромское двухклассное женское училище и стала народной учительницей Никифоровской церковно-приходской школы Костромского уезда¹².

24 мая 1901 года учитель Прискоковской церковно-приходской школы Павел Острогский подал прошение на имя епископа Костромского и Галичского Виссариона (Нечаева; 1823-1905):

«Чувствуя призвание к пастырству, осмеливаюсь беспокоить Вас, Ваше Преосвященство, своею просьбою – определить меня на место моего тестя, священника Александра Парийского, в село Трестино, Костромского уезда».

Тестем будущего отца Павла было также подано прошение (дата не указана, резолюция архиерея от 23 мая) об увольнении за штат и назначении зятя на его место¹³.

2 июня 1901 года за Божественной литургией в костромском Свято-Троицком Ипатьевском мужском монастыре епископ Виссарион

Свидетельство об окончании Павлом Острогским Костромской духовной семинарии. ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 4938, л. 4.

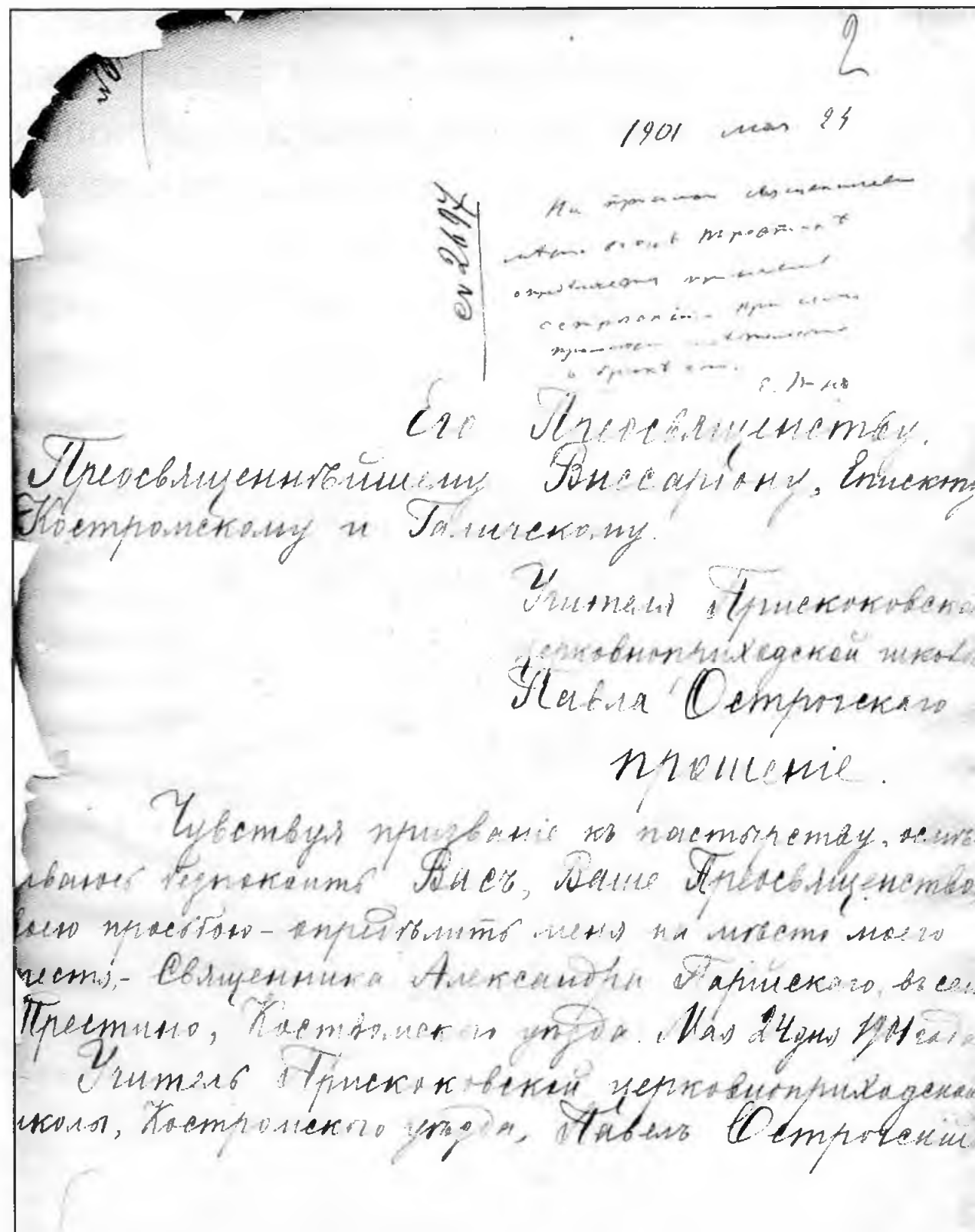
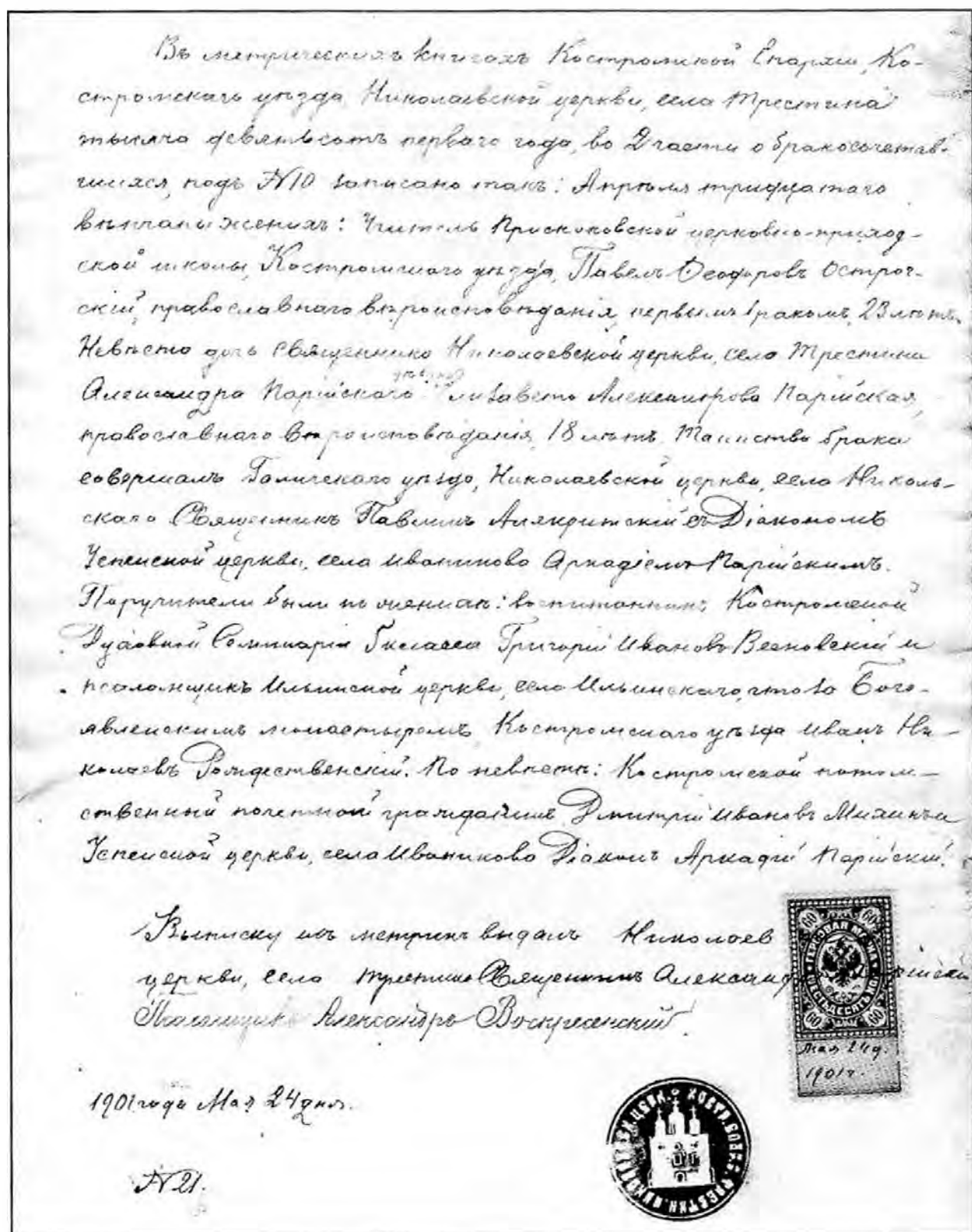
рукоположил Павла Острогского во диакона¹⁴, а на следующий день, 3 июня, за Божественной литургией в Богоявленском кафедральном соборе – во священника¹⁵. Так началось служение отца Павла в селе Трестино, продолжавшееся шестнадцать лет. Каменный Никольский храм села, именовавшегося Трестино или

Костромская духовная семинария.
Фото начала XX века.

Николо-Трестино (в современном Костромском районе по дороге из Костромы к поселку Красное-на-Волге), был завершен постройкой в 1790 году на месте прежних деревянных церквей во имя святителя Николая и великомученицы Параскевы Пятницы, известных с 1617 года. Эта церковь, не закрывавшаяся в XX веке, имеет три престола: во имя святителя Николая (в летнем храме), во имя преподобного Геннадия Костромского и Любимоградского и великомученицы Екатерины (правый зимний придел), во имя великомученицы Параскевы Пятницы (левый зимний). Название села объяснялось так: «Раньше на том месте, где теперь село, было болото-трясина. Тут явился святитель Николай на сосне одному старичку-крестьянину и осушил болото. Была построена церковь, и образовавшееся новое село названо «Трестино» от слова «трестись», трясина...»¹⁶ 3 июля 1893 года при храме была открыта цер-

ковно-приходская школа, помещавшаяся в специально устроенном для нее доме¹⁷. Вступив в новую должность, отец Павел стал заведующим этой школой и ее законоучителем. 20 января 1904 года «за отлично-усердную службу и доброе поведение» епископ Виссарион наградил его правом ношения набедренника¹⁸. С 1906 года отец Павел состоял членом благочиннического совета, в 1906-1908 годах избирался депутатом на съезды духовенства, с сентября 1909 года являлся законоучителем Давыдовской земской начальной школы¹⁹. С 1901 года при Никольском храме села Трестино действовало общество трезвости, в 1913 году насчитывавшее 52 члена²⁰.

Трудясь на приходе в Трестино, священник Павел Острогский много внимания уделял благотворительной деятельности – о чем свидетельствуют газеты того времени. В мае 1909 года на праздник Святой Троицы в деревне

Слева – выписка из метрических книг о венчании Павла Острогского (ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 4938, л. 3).
Справа – прошение Павла Острогского об определении на служение в село Трестино (там же, л. 2).

Малое Андрейково, входившей в трестинский приход, вспыхнул пожар: сгорело 14 изб, большая часть жителей деревни осталась без крова. Чтобы помочь погорельцам, отец Павел обратился в газету «Костромская жизнь» с письмом, в котором говорилось: «Зная горячую отзывчивость русского человека на помощь каждому несчастному, обращаюсь ко всем добрым людям с призывом помочь несчастным погорельцам, кто чем может. Повторяю, в огне всё погибло. Вещами или деньгами, но только помогите, господа! Не дайте несчастным погорельцам надеть на руку корзину, помогите им сделаться опять добрыми, трудолюбивыми хозяевами-крестьянами»²¹.

К 1910 году священник Феодор Острогский, родитель отца Павла, вышел за штат и поселился в селе Прискоково. В том же году здесь скончалась мать отца Павла Елизавета Павловна; согласно церковным документам, овдовевший отец Феодор продолжал жить в Прискоково как минимум до 1917 года (точная дата его кончины неизвестна).

Никольский храм села Трестино.
Фото 2008 года.

28 марта 1913 года священник Павел Острогский был награжден бархатной фиолетовой скуфьей, а в память 300-летия дома Романовых получил «сребро-позлащенный крест и бронзовую медаль»²².

С началом Первой мировой войны, когда многие трудоспособные мужчины отправились на фронт, остро стала ощущаться нехватка людей при сельскохозяйственных работах. 31 июля 1915 года отец Павел направил в Костромской комитет «Помощь семьям воинов» письмо (опубликованное в газете «Поволжский вестник»), в котором говорилось:

«Некоторые солдатики моего прихода испытывают страшную нужду в рабочих руках.

Все почти выжинаяют рожь, а у них не жато, и жать некому. Так обстоят дела в дер[евне] Туррабиеве Пушкинской волости у солдатки Анны Александровы Лебедевой. Такая же нужда в

Ставленническая грамота священника Павла Острогского.
Из личного архива Н.Б. Острогской.

работниках в дер[евнях] Катине и Жижелине, Пушкинской волости.

Убедительнейше прошу, если найдутся свободные рабочие артели, направить их туда. Солдатки согласны помочь земству и комитету и в содержании артели: будут предоставлять бесплатно квартиру, топливо, молоко, картофель...»²³

7 января 1912 года, возвращаясь с открытия новой земской больницы в селе Красном, на дороге вблизи села Трестино скоропостижно скончался председатель Костромской уездной земской управы, депутат III Государственной Думы Василий Семенович Соколов (1847-1912). На месте его кончины, по предложению костромского городского головы Г.Н. Ботникова, было решено установить памятник. Торжественное открытие этого (сохранившегося до наших дней) памятного знака, выполненного по проекту архитектора Н.И. Горлицына, состоялось 16 августа 1915 года. В этот день в Никольском храме села Трестино была отслужена заупокойная Божественная литургия, которую совершали священники Павел Острогский и Михаил Орлов; за богослужением пел архиерейский хор, молились друзья и сподвижники В.С. Соколова. Затем все присутствующие прошли к памятнику; отец Павел совершил его освящение – предварительно обратившись со словом к местным крестьянам, призвав их бережно относиться к мемориальному знаку и публично предложив присвоить Трестинской церковно-приходской школе имя В.С. Соколова.

В ответ на предложение отца Павла Костромское уездное земство приняло Трестинскую церковно-приходскую школу в свое ведение и присвоило ей имя В.С. Соколова. Сын покойного П.В. Соколов подарил школе портрет своего отца и снабдил ее необходимыми учебными пособиями²⁴.

В 1916 году трестинские прихожане провожали на фронт местного учителя Вениамина Тевризова. Газета «Поволжский вестник» писала:

Памятный знак на месте кончины В.С. Соколова.
Фото 2009 года.

«На днях местные крестьяне провожали учителя Тевризова на войну. Крестьянами по этому поводу отслужен напутственный молебен. По инициативе священника [отца Павла] и некоторых прихожан среди крестьян были собраны небольшие суммы денег. Затем ему был поднесен образ. Что же касается до ребят, которых учил г[осподин] Тевризов, то они натащили материи на портянки, яиц и т[ому] п[одобное]»²⁵.

В целом жизнь церковно-приходских школ того времени заслуживает отдельного описания. Приведем здесь фрагменты из «Отчета о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год»:

«Учебный год в городских церковных школах начался 1 сентября, в сельских – 15-го. Но были школы, где учебный год, в зависимости от окончания полевых работ и особых условий сельской жизни, начинался позднее и оканчи-

вался раньше. Позднее начало занятий и раннее окончание их заведующие школами объясняют тем, что дети школьного возраста необходимы бывают при полевых работах и уборке хлеба. Многие из них, кроме того, бывают отданы в услужение – в няньки и пастухи. Для первых срок найма – от начала полевых работ до Покрова дня, для вторых – от Егорьева дня (23 апреля) до конца пастушны (загон скота во дворы).

Учебные занятия обыкновенно начинались сначала с младшим отделением, для того чтобы хоть несколько приучить вновь поступивших учеников к школьным порядкам прежде, чем придут в школу средние и старшие. Но были и такие школы, где привычные к делу учащие лица начинали занятия со всеми тремя отделениями сразу, неизменно уделяя при этом вновь поступившим большее внимание. <...>

Учебный день обыкновенно начинался молитвой. В религиозной обстановке, с зажженной лампадой пред образом, священник, облачившись в епитрахиль, полагал начал и, если в школе преподавалось пение, ученики пели положенные молитвословия, а один из школьников читал молитвы. Возгласы и отпуст делал сам священник. <...>

При ознакомлении учащихся с богослужением были препятствия и со стороны внешних

условий. В школах, удаленных от храма на пять и более верст, дети были лишены возможности непосредственного участия в церковных службах: идти несколько верст до храма чрез леса и реки (особенно во время разлива) ученикам было немыслимо даже в сопровождении учителя, а при недостатке лошадей завести очередные подводы, которые доставляли бы учащих в воскресный день хотя бы к литургии – было делом также довольно трудным...»²⁶

Попечением отца Павла Трестинская церковно-приходская школа являлась одной из одиннадцати таких школ Костромского уезда, где имелся ночлежный приют для учеников из отдаленных селений²⁷. В ней создали церковный хор из учащихся, и цитировавшийся выше «Отчет...» указывал: «Были, наконец, школы, где учащиеся, несмотря на свой ранний возраст, довольно свободно справлялись с нотами и пели нотные песнопения (Трестинская школа, Костр[омского] у[езда]»²⁸.

За время служения отца Павла в Трестино у него родились дети: Зинаида (в 1902 году), Серафим (в 1904 году), Нина (в 1906 году), Николай (в 1909 году), Василий (в 1912 году, скончался в 1914 году), Ираида (в 1914 году) и Владимир (в 1916 году).

Нельзя обойти вниманием и участие священника Павла Острогского в деятельности Костромского церковно-исторического общества, открытого 3 июня 1912 года²⁹. Среди представителей духовенства, участвовавших в работе КЦИО, было весьма немного простых сельских священников; но отец Павел состоял его действительным членом, как об этом свидетельствуют годовые отчеты³⁰.

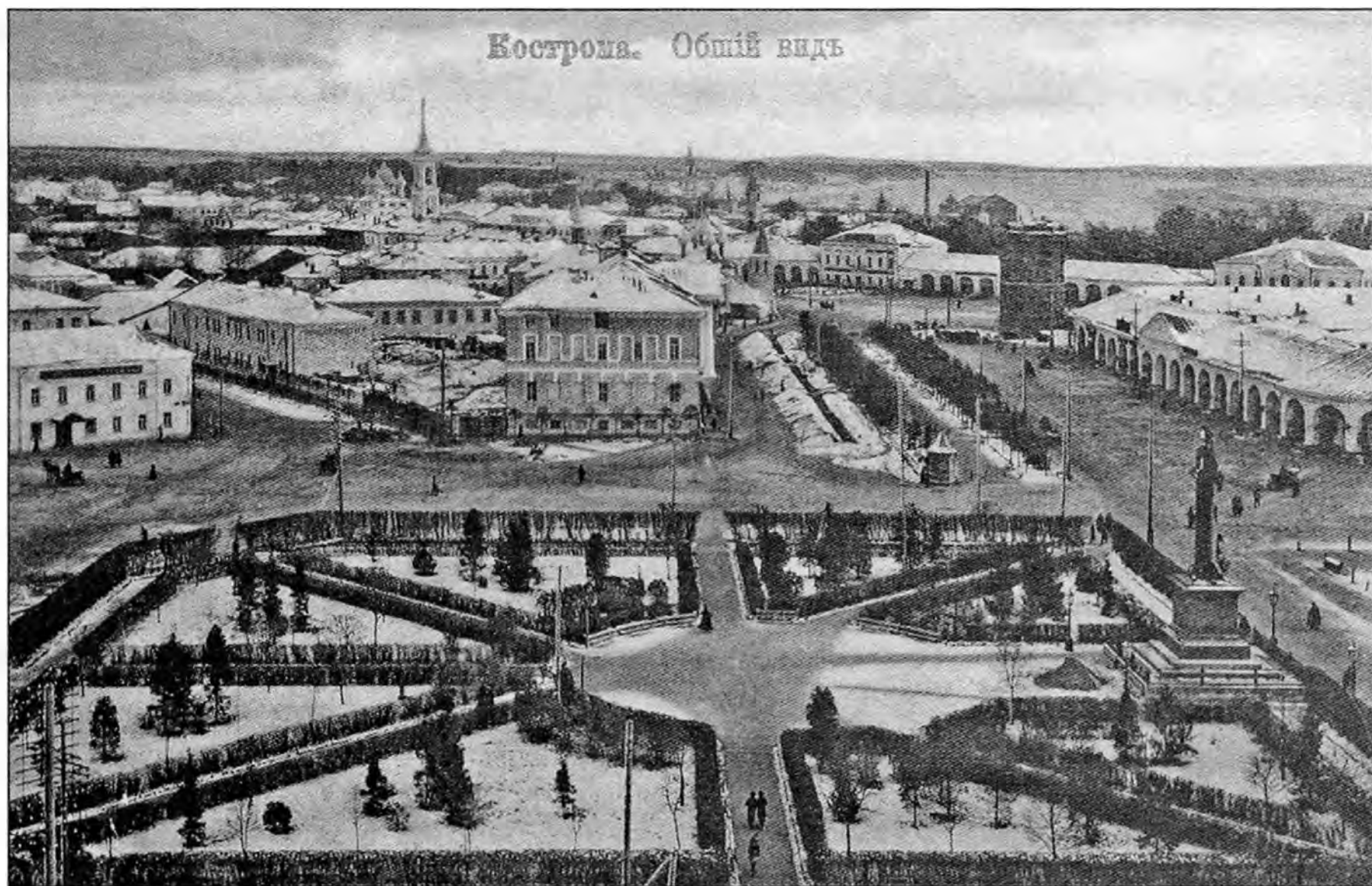
*Священник Павел Острогский
с супругой Елизаветой
Александровной и детьми.
Фото начала десятих годов
XX века.*

В мае 1917 года, уже после Февральской революции, отец Павел был переведен на служение в Кострому. Новым местом его трудов стала домовая церковь во имя благоверных князей Феодора Смоленского и чад его, Давида и Константина Ярославских, при богадельне Чижовых. Эта богадельня для слепых женщин, открывшаяся в 1897 году, была создана на средства сестер знаменитого костромского мецената Ф. В. Чижова (1811-1877). Храм размещался в верхнем этаже каменного дома

на улице Нижней Набережной (ныне улица Лесная), при нем имелась отдельно устроенная деревянная звонница; освящение церкви 27 сентября 1897 года совершил епископ Костромской и Галичский Виссарион³¹. 27 апреля 1917 года отец Павел подал епископу Костромскому и Галичскому Евгению (Бережкову; 1864-1922) прошение о назначении на освободившееся место (служивший там священник вышел за штат), и 13 мая указом правящего архиерея перевод состоялся³². Вскоре отец Павел был приглашен преподавать Закон Божий в открывавшемся тогда в Костроме на Никольской улице (современная улица Свердлова) Коммерческом училище. Училище открылось 3 октября 1917 года, при этом отец Павел совершил молебен³³. Однако революционные события внесли свои коррективы: уже в 1918 году Коммерческое училище закрылось.

Изменился и статус богадельни Чижовых, где совершал свое служение отец Павел – она перешла в ведение губернского собеса. Разумеется, новым «хозяевам» священник, трудившийся в таком месте, был совершенно не нужен. Приведем характерный для того времени документ:

Вид на центральную часть Костромы с пожарной каланчи.
Фото с открытки начала XX века.

«Выписка из журнального заседания коллегии губ[ернского] отд[ела] соц[иального] обеспечения от 25-го февраля 1919 года.

Слушали:

2. Заявление члена коллегии Ф.Г. Бляхиной о том, что оставленный для исполнения треб по учреждениям отдела социального обеспечения священник Чижовской богадельни П.Ф. Островский [так в тексте – А.А.] в настоящее время в связи с декретом Совнаркома о похоронах и кладбищах подлежит увольнению от занимаемой им должности, о чем он был предупрежден заведующим отделением помощи престарелым Е.Н. Владимировым.

Постановили:

Освободить священника П.Ф. Островского от занимаемой им должности при отделе социального обеспечения и предложить ему в недельный срок очистить помещение, занимаемое им в здании Чижовской богадельни»³⁴.

Такое развитие событий не было для отца Павла неожиданным – он понимал, что закрытия храма не избежать. Еще в конце 1918 года в Предтеченской церкви Костромы открылась вакансия, и 25 ноября отец Павел подал в приходской совет этого храма прошение:

«Моя церковь обречена на закрытие как домовая. Посему мне предстоит в самом ближайшем будущем возможность очутиться с семьей (сам 8-й) на улице, без всяких средств к существованию. Покорнейше прошу приходской совет зачислить меня в число кандидатов на вакантное священническое место при вашем храме»³⁵.

В тот же день в Иоанно-Предтеченском храме состоялось приходское собрание, рассмотревшее прошения трех кандидатов на вакантное место: священника Павла Острогского, протоиерея Дмитрия Лебедева и священника Сергия Никольского. Прихожане «единогласно постановили ходатайствовать перед Его Преосвященством, Преосвященнейшим Филаретом, управляющим Костромской епархией, о назначении на должность священника Предтеченской церкви о[тца] Павла Острогского»³⁶.

Новое место служения ждало отца Павла, но он исполнял свои обязанности в богадельне до последней возможности. Лишь после заседания коллегии губсобеса отец Павел доложил о своем увольнении временно управлявшему Костромской епархией епископу Филарету, бывшему Астраханскому (Никольскому; 1858-1921) и 7 марта был определен на священническое место к Предтеченскому храму.

Церковь в честь Усекновения главы святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, возведение которой завершилось в 1762 году, находилась в самом центре Костромы – за торговыми рядами, в начале Мшанской улицы (современной улицы Островского). В восьмидесятых годах XVIII века известный костромской зодчий С.А. Воротилов перестроил храм и возвел при нем трехъярусную колокольню в стиле барокко. До наших дней храм не сохранился: в декабре 1934 года его закрыли, а в 1936 году полностью разрушили.

Священник Павел Острогский служил в Иоанно-Предтеченском храме до 1921 года – когда он был переведен в Александро-Антониновскую церковь села Селище на правом берегу Волги, ставшую местом его исповеднического подвига³⁷. Последний известный нам церковный документ того времени, относящийся к отцу Павлу – его прошение на имя vicария Костромской епархии епископа Кинешемского Севастиана (Вести; 1870-1934) от 13 сентября 1919 года, которым отец Павел испрашивал себе трехнедельный отпуск для поездки в Самарскую епархию³⁸.

Дальнейшее описание жизни и трудов отца Павла затрудняется отсутствием документальных свидетельств: главным источником сведений

о нем является следственное дело 1934 года, о котором подробно будет сказано далее. Церковных материалов того времени не сохранилось, а многие светские архивные документы, из которых можно было бы почерпнуть необходимые сведения, сгорели при пожаре в Государственном архиве Костромской области в

*Иоанно-Предтеченский храм Костромы.
Фото начала XX века.*

1982 году. Так, огнем был полностью уничтожен фонд уполномоченного Костромского горсовета по религиозным общинам за 1923-1933 годы³⁹; сгорело и дело религиозной общины Селищенской церкви за 1929-1939 годы⁴⁰.

Храм во имя святых мучеников Александра и Антонины, построенный в 1779-1786 годах на месте прежних деревянных церквей в древнем селе Селище у впадения реки Ключевки в Волгу, находился на территории Коряковской волости Костромского уезда (с 1928 года – Заволжского района; в 1932 году Селище вошло в городскую черту Костромы). В 1831 году к западу от Александро-Антониновской церкви владельцами одной из местных усадеб, Мягковыми, был сооружен каменный храм во имя блаженного Василия Московского (до нашего времени не сохранившийся). Клир Александро-Антониновского храма состоял из двух священников и диакона; вместе с отцом Павлом служил священник Иоанн Гарский (1869-1935), назначенный сюда в 1912 году. Н.А. Зонтиков в своей обширной работе по истории Александро-Антониновского храма утверждает, что отец Павел был в 1921 году назначен его настоятелем, однако не приводит документальных подтверждений этому. Отметим также, что в протоколе допроса отца Иоанна Гарского 6 ноября 1934 года он именовал себя настоятелем храма⁴¹.

В 1919 году, после закрытия состоявшей при костромском Богоявленско-Анастасином женском монастыре Назаретской пустыни в Костромском уезде, в Селище прибыли и поселились в церковной сторожке монахиня Рахиль (Добровольская), инокини Митродора (Моисеева) и Таисия (Борисова). Как отмечалось впоследствии в протоколе допроса отца Павла, «одна из них, Таисия – является чернорабочей

Александро-Антониновский храм. Фото с плана XIX века.

(топит печи – колет дрова, разгребает снег), Митродора является просфорницей и Рахиль – прислуживает в церкви»⁴².

Сам отец Павел, переехав вместе с семьей в Селище, поселился сначала на съемной квартире. Лишь в 1925 году он купил у крестьянки В.К. Каликинской небольшой дом на современной Верхне-Селищенской улице⁴³. В этом доме члены семьи Острогских проживали до его сноса в 1966 году, вызванного расширением территории завода «Рабочий металлист».

Исторические обстоятельства жизни селищенского прихода – в частности, закрытие и передача под клуб храма во имя блаженного Василия Московского в 1929 году, несостоявшаяся попытка закрытия самого Александро-Антониновского храма в 1930 году и снятие с него колоколов зимой 1930 года – подробно описаны в работе Н.А. Зонтикова. Мы же обратим здесь внимание на эпизоды, сведения о которых практически отсутствуют в доступных нам документах – аресты, которым отец Павел Острогский подвергался в 1923 и 1930 годах.

В протоколе допроса 8 октября 1934 года со слов отца Павла записано: «В 1923 и в 1930 г.г.

арестовывался ГПУ. Судим не был»⁴⁴. Составленная в тот же день анкета арестованного также упоминает о двух арестах «в 1923 г. и в 1930 году по ст[атье] 58 п[ункт] 10 УК – освобожден»⁴⁵. Однако справка от 25 ноября 1934 года, имеющаяся в том же следственном деле, говорит лишь об одном таком случае: «Острогский Павел Федорович Костромским губотделом ОГПУ в 1924 г. привлекался по ст[атьям] 68 и 69 УК – дело прекращено»⁴⁶. Следует учитывать, что при указании статей речь идет сразу о двух Уголовных кодексах РСФСР – 1922 и 1926 года. В кодексе 1922 года статья 68 говорит об укрывательстве и пособничестве контрреволюционным преступлениям, статья 69 – о пропаганде и агитации, выражающейся в призыве к свержению власти Советов; в кодексе 1926 года статья 58, пункт 10 – о контрреволюционной пропаганде и агитации.

Чуть более подробные сведения имеются в последнем деле отца Павла – когда в ноябре 1937 года он был арестован в Казахстане. Так, в анкете арестованного говорится: «1923 г. органами ОГПУ был арестован, просидел одну неделю, освобожден. 1930 [год –] вторично арестован, сидел 3 – [неразборчиво], освобожден»⁴⁷.

Для поиска сведений о событиях 1923 (или 1924?) и 1930 годов были запрошены Центральный архив ФСБ РФ, архивные подразделения управлений ФСБ по Костромской, Ивановской и Ярославской областям (в связи с тем, что Кострома в XX веке некоторое время входила как в состав Ивановской промышленной области, так и Ярославской области) – но никакой информации в архивах не обна-

ружилось. Н.А. Зонтиков предполагает, что первый арест объяснялся попыткой властей заставить отца Павла перейти в обновленческий раскол, второй – был связан с неудачной попыткой закрыть Александро-Антониновский храм. Не отвергая вероятность этой гипотезы, изложим здесь еще одну версию, связанную с судьбой священника Константина Алферова – служившего в Христо-Рождественском (ныне Ильинском) храме на правом берегу Волги, недалеко от села Селище.

5 февраля 1924 года в церковном доме, где проживал отец Константин, был произведен обыск; при этом у него изъяли некоторые документы, в том числе – переписанный рукой самого батюшки текст воззвания Поместного Собора от 27 января 1918 года по поводу декрета о свободе совести. 9 февраля отец Константин (арестованный в тот же день) был допрошен, и в протоколе зафиксированы его слова: «В отношении воззвания, писанного от руки мною лично, начинающегося словами «Православные христиане», [оно] было выписано из газеты, которую читали на благочинническом собрании в селе Селище для обнародования верующим»⁴⁸. Последние слова – начиная с «выписано из газеты» – в тексте протокола под-

*Селище, храм во имя блаженного
Василия Московского.
Фото начала XX века.*

черкнуты карандашом (видимо, рукой следователя); однако заметим, что конкретных имен в протоколе не указано. 18 февраля отца Константина отпустили под подписку о невыезде, суд по его делу (на котором он проходил обвиняемым вместе с еще четырьмя гражданами) состоялся лишь в августе 1925 года. На суде он был оправдан, а в приговоре отмечалось: «Предъявленное обвин[яемому] Алферову обвинение по ст[атье] 119 Уголовного К[одек]са осталось на судебном следствии также недоказанным, так как хотя в столе обвин[яемого] и были обнаружены записки, в частности копии проповедей и воззвание Собора к православным, призывавшее к сопротивлению Соввласти в связи с изданием декрета «о свободе совести» и «отделении церкви от государства», но было ли это воззвание оглашено среди граждан, никто из свидетелей, вызывавшихся на судебное заседание, не подтвердил»⁴⁹.

29 апреля 1929 года дом отца Константина был вновь обыскан, 30 апреля его заключили под стражу; вместе с большой группой местных жителей он обвинялся в создании антисоветской группировки. На допросах следователи опять заинтересовались воззванием Поместного Собора. Отец Константин давал уклончивые ответы: «Это обращение я переписал

лично, но содержание его почти не помню. От кого я получил это воззвание, теперь не помню, переписал же я его исключительно для себя»⁵⁰. Однако на допросе 30 мая речь, видимо, зашла о благочинническом собрании в Селище, так как отец Константин сообщил: «Благочинным в то время был гр[аждани]н Акатов Павел Иванович, ныне проживающий в селе Татьянине Заволжского района быв[шей] Челкановской волости. Кто был в церковном совете, теперь я не помню»⁵¹. Впрочем, в обвинительном заключении по новому делу лишь вскользь упоминалось о событиях 1924 года и оправдании отца Константина по суду; предъявленные ему обвинения касались событий не ранее 1928 года. 28 октября 1929 года постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ священник Константин Алферов был выслан на три года в Северный край.

Нетрудно видеть, что история с распространением воззвания Поместного Собора чрезвычайно интересовала следователей даже спустя годы после благочиннического собрания в Селище. Не объясняются ли этим аресты отца Павла Острогского, примерно совпадающие по времени с описанными выше событиями, особенно с учетом справки из следственного дела 1934 года; ведь точные даты своих

арестов священник мог и не помнить?.. Впрочем, отсутствие документальных свидетельств не позволяет нам делать однозначные выводы.

Изложенная история первого, неудачного преследования властями священника Константина Алферова побуждает сказать о следующем. Гонения на Церковь во все послереволюционное время не прекраща-

*Христо-Рождественский
(ныне Ильинский) храм
на Городище.
Фото начала XX века.*

лись, и гонители – прежде всего сотрудники ОГПУ-НКВД – однозначно воспринимали «церковников» как классовых врагов. Однако методика преследований со временем изменялась: от формального соблюдения «буквы закона» в двадцатых годах – до кровавого, безжалостного, изощренного в фальсификациях и подлогах террора тридцатых годов (это мы увидим далее на примере самого отца Павла Острогского). И не стоит удивляться тому, что в середине двадцатых годов священник, арестованный и подвергшийся допросам, но не вступивший на скользкий путь сотрудничества со следствием, мог быть затем освобожден; более того – подобные случаи наблюдались и позднее. Так, в ноябре 1929 года в Костроме арестовали сразу 21 человека из числа священнослужителей и мирян (это дело, наверное, можно считать самым масштабным местным примером антицерковных преследований двадцатых годов), но далеко не все из них в итоге стали обвиняемыми. В отношении восьми человек 17 декабря уполномоченным ОГПУ было вынесено постановление: «За недостаточностью собранных против вышеперечисленных обвиняемых доказательств настоящее дело производством прекратить и в силу 161 ст[атьи] У[головно] П[роцессуального] К[одекса] избранную в отношении обвиняемых меру пресечения, содержание под стражей в Ив[аново]-Вознесенском домзаке, отменить и из-под стражи немедленно освободить...»⁵² Анализ содержащихся в следственном деле протоколов допросов этих лиц позволяет сделать вывод: лишь один из подследственных критиковал (впрочем, скорее на личном уровне, чем в идеологическом плане) главных обвиняемых, остальные же твердо отказались от ка-

1923 год. Демонстрация в Костроме.

кого-либо сотрудничества со следствием и не делали никаких сомнительных признаний.

Подобные примеры из описываемого времени позволяют заключить: из того, что отец Павел Острогский дважды арестовывался и затем был освобожден, ни в коей мере не следует, что он сколько-нибудь поступился совестью и пошел на компромисс со своими преследователями. Более того: отсутствие документальных свидетельств скорее говорит о том, что попытки добиться от селищенского пастыря признательных показаний потерпели полную неудачу, отчего и не удостоились фиксации в архивах ОГПУ...

Начало тридцатых годов было трудным временем для Александро-Антониновской церкви и ее прихожан. Летом 1930 года в закрытом храме во имя блаженного Василия Московского разместился местный клуб; православные праздники сопровождались разнужданными антицерковными кампаниями в стиле «кулацко-поповской пасхи»; в 1931 году сложил с себя сан и публично отрекся от веры и Церкви священник Павел Звездкин – бывший настоятель Александро-Антониновского храма, служивший в близлежащем Никольском храме

прежней Никольской слободы; колокольня селищенской церкви стояла «немой», лишенной всех колоколов... Но отец Павел продолжал свое служение с усердием и любовью к пастве. Об этом свидетельствуют воспоминания, собранные внучкой отца Павла Н.Б. Острогской.

Е.И. Костромина, родившаяся в 1915 году, вспоминала: «Я до замужества жила в деревне Дербино и с детства ходила в селищенскую церковь. На исповедь мы ходили с вечера, собирались несколько девчонок и ночевали в Селище. Всегда исповедовались у отца Павла Острогского, хотя был еще священник – Иван Гарский. Отец Павел нас ласково встречал, гладил по головке и разговаривал с нами. Его все любили, он был истинный священник, а отец Иван Гарский был дерганый какой-то, при ходьбе подпрыгивал, часто кричал»⁵³.

Особенно отец Павел любил детей; он всегда носил с собой коробочку леденцов, которыми обычно угощал встречных ребятшек (не будем забывать, что в те времена для большинства детей сладости были нечастым лакомством). В.Д. Баскова, родившаяся в 1913 году, говорила: «Дети всегда выбегали на улицу, сообщая друг другу, что отец Павел вышел из дому и пошел, например, с ведрами за водой, так как он всегда одаривал детей конфетами»⁵⁴.

К 1934 году отец Павел Острогский удостоился возведения в сан протоиерея и был назначен благочинным городских церквей Костромы (к тому времени Селище, как уже отмечалось, вошло в черту города). Точные даты этих решений священноначалия нам не известны, но данные факты подтверждаются документальными свидетельствами. Так, в протоколе допроса отца Павла 8 октября 1934 года указывается:

«В настоящее время являюсь благочинным городских церквей Патриаршей ориентации. Кроме 12 городских церквей, в благочиние входят Городищенская – священником которой является Росницкий, и Никольская – священник Костин»⁵⁵.

О том, что отец Павел был протоиереем, в его следственном деле 1934 года не говорится; однако об этом свидетельствуют другие документы того времени – к примеру, следственное дело диакона Василия Писемского, служившего в Воскресенском храме села Любовниково под Костромой и подвергнувшегося репрессиям в 1935 году. В протоколе допроса отца Василия, состоявшегося 22 августа 1935 года (когда отец Павел уже был отправлен в Казахстан), говорится:

«Среди высланного за контрреволюционную деятельность духовенства моими знакомыми являются: священник Крылов Павел из Борщинской церкви; протоиерей Павел Островский [так в тексте – А.А.] из церкви с[ела] Селищи; Крылова посещал, бывал у [н]его в квартире, с Островским был знаком как [с] благочинным...»⁵⁶

Новый этап жизни отца Павла – последние месяцы на свободе и восхождение к высотам мученического подвига – начался в ноябре 1933 года, когда в Селище на жительство приехал епископ Макарий (Кармазин), ныне прославляемый Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. События 1933-1934 годов, связанные с именами священномученика Макария (Кармазина) и протоиерея Павла Острогского, мы будем рассматривать особенно подробно, анализируя материалы следственного дела 1934 года. Это необходимо, так как фальсификационные схемы, использовавшиеся сотрудниками НКВД при фабрикации данного дела, были некритически восприняты отдельными историками и до сих пор воспроизводятся в церковно-исторической литературе. К сожалению, мифологема о «селищенской группе сторонников истинно-православной церкви» – порожденная в НКВД – обрела более чем долгую жизнь и ныне по-прежнему бросает тень на имена священномученика Макария и протоиерея Павла Острогского...

Прежде чем исследовать материалы следственного дела, расскажем о личности владыки

Макария и кратко опишем события 1933-1937 годов.

Епископ Макарий (в миру Григорий Яковлевич Кармазин) родился 1 октября 1875 года в местечке Меджибож Подольской губернии в семье чиновника-землемера. В 1893 году по окончании Подольской духовной семинарии он был рукоположен во иерея и служил в храмах Подольской епархии, а в 1902-1918 годах являлся военным священником; во время Первой мировой войны отец Григорий на фронте был ранен и дважды контужен, за пастырские труды и личное мужество удостоился возведения в сан протоиерея. В 1918-1922 годах протоиерей Григорий Кармазин служил на приходах Киевской епархии, а затем, приняв монашество с именем Макарий, был хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии, и стал одним из руководителей Патриаршей Церкви на Украине – в связи с чем подвергался от властей преследованиям и арестам (в 1923 и 1925 годах). С 1925 года владыка Макарий – епископ Екатеринославский⁵⁷ и Новомосковский; в декабре 1925 года он был вновь арестован и после десятимесячного заключения выслан в Харьков, где находился до марта 1927 года без права выезда. После очередного ареста его отправили в ссылку на 3 года в Горно-Шорский национальный район⁵⁸; по окончании срока ссылки епископ Макарий некоторое время проживал в г. Вязьме Смоленской области, а 13 ноября 1933 года приехал на жительство в Кострому.

Переезд в Кострому состоялся, как говорится в протоколе допроса священномученика от 19 октября 1934 года, по рекомендации киевской знакомой владыки Макария, «бывш[ей] активной сестрой сестричества, созданного архимандритом Спиридоном⁵⁹ (умершим) при церкви братства сладчайшего Иисуса – в Киеве – Андриевской В.А., которая приезжала ко мне в Вязьму из Костромы, где она проживала»⁶⁰. Видимо, переезд был связан с тем, что 10 июня 1932 года управляющим Костромской епархией стал священномученик архиепископ

*Александрo-Антониновский храм.
Фото 2007 года.*

Никодим (Кротков)⁶¹ – в 1911-1921 годах бывший епископом Чигиринским, викарием Киевской епархии, и хорошо знавший владыку Макария.

Отец Павел Острогский, как указывается в следственном деле⁶², нашел – возможно, по поручению самого владыки Никодима – квартиру для епископа Макария. До своего ареста владыка жил по адресу: г. Кострома, с. Селище, район № 15, дом 25.

В январе 1934 года в Кострому приехали ближайшая помощница владыки Макария Раиса Александровна Ржевская⁶³ и ее родственница Мария Ивановна Сегеркранц⁶⁴, также поселившиеся в этой квартире. Вскоре М.И. Сегеркранц познакомилась с находившимся в ссылке Николаем Александровичем Аракиным⁶⁵ и стала его женой.

Постепенно вокруг епископа Макария сложился круг близких людей, периодически встречавшихся как на квартире владыки, так и в доме отца Павла Острогского: сам городской благочинный, Р.А. Ржевская, М.И. Сегеркранц, Н.А. Аракин; монахиня Рахиль, инокини Митродора и Таисия – проживавшие и трудившиеся при Александро-Антониновском храме; административно-высланный Николай Ильич Серебрянский⁶⁶ – церковный историк, профессор Московской духовной академии, с июля 1934 года проживавший в Селище, друг архиепископа Никодима еще по совместным трудам в Псковской духовной семинарии; мать Раисы Александровны Ольга Людвиговна, приезжавшая в Кострому и некоторое время жившая на квартире епископа Макария.

Нет указаний на то, что в описываемый период священномученик Макарий выезжал за пределы Костромы – за исключением (предположительно) 19 июля 1934 года, когда он, как свидетельствует письмо владыки к Р.А. Ржевской от 20 июля, провожал уезжавших из города Раису Александровну и ее родственницу Ольгу Александровну⁶⁷.

30 сентября 1934 года епископ Макарий был арестован сотрудниками НКВД в поезде Кострома-Москва, имея на руках билет до Харькова; 8 октября задержали протоиерея Павла Острогского. Арестованных перевезли в домзак (тюрьму) управления НКВД в Иваново, так как Костромской район тогда входил в состав Ивановской промышленной области⁶⁸ (ИПО). Постановлением прокуратуры ИПО от 25 декабря 1934 года дело владыки Макария и отца Павла передали в Особое совещание НКВД; Р.А. Ржевская и М.И. Сегеркранц, по мнению прокуратуры, за отсутствием улик и доказательств контрреволюционной деятельности уголовному преследованию не подлежали. Однако последнее решение было отменено постановлением высшей инстанции. В результате 17 марта 1935 года «за участие в к-р⁶⁹ группе» епископ Макарий (Кармазин), протоиерей Павел Острогский и Р.А. Ржевская были

приговорены к ссылке в Казахстан сроком на пять лет каждый⁷⁰, М.И. Сегеркранц (очевидно, с учетом прежней судимости по политической статье и условно-досрочного освобождения) – к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет (отправлена в Мариинск, Сиблаг)⁷¹. Кроме указанных лиц по данному делу никто осужден не был.

В Казахстане исповеднический путь священномученика и близких к нему людей завершился: Р.А. Ржевскую расстреляли 2 декабря 1937 года, епископа Макария – 3 декабря, протоиерея Павла Острогского – 13 декабря того же года. М.И. Сегеркранц пережила время гонений: известно, что в декабре 1962 года она проживала в Калужской области⁷².

(Окончание в следующем номере)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне село Боговское относится к Антроповскому району Костромской области.

² Белоруков Д.Ф. Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000, с. 15.

³ Следует помнить, что в церковных документах того времени (на основании которых составлялась родословная семьи Острогских, предоставленная автору внучкой отца Павла Н.Б. Острогской) отмечалось лишь число полных лет и отсутствовала дата рождения; поэтому год рождения указывается с долей условности.

⁴ Здесь и далее все даты (до перехода на новый стиль в 1918 году) приводятся по старому стилю.

⁵ Биографические данные приводятся по клировой ведомости Никольской церкви села Никольского, что в реках, Галичского уезда за 1889 год: Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО), ф. 130, оп. 9, д. 403, л. 46об.

⁶ Ныне – Красносельского района Костромской области.

⁷ Преосвященный Филофей управлял Костромской епархией в 1853-1857 годах, впоследствии стал митрополитом Киевским и Галицким.

⁸ Свидетельство о том, что отец Павел отмечал свои именины 16/29 июля, имеется в письме священномученика епископа Макария от 29 июля 1934 года (см. далее).

⁹ ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3729, л. 36об.

¹⁰ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 4398, л. 3об.

¹¹ К описываемому времени священник Феодор Острогский уже служил в Ильинском храме села Ильинского, что в Шарике, Галичского уезда.

¹² ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3550, л. 22об.

¹³ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 4938, лл. 2, 1.

¹⁴ Костромские епархиальные ведомости (далее – КЕВ), 1901, № 12, отдел II часть неоф., с. 365.

¹⁵ Там же, с. 366.

¹⁶ Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911, с. 43.

¹⁷ ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3550, л. 22.

¹⁸ Там же, л. 22об.

¹⁹ ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3729, л. 36об.

²⁰ КЕВ, 1914, № 10, отд. офиц., с. 51.

²¹ Костромская жизнь, 27 мая 1909 года. Цит. по: Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. К 225-летию закладки в камне. 1779-2004 гг. Публикация на интернет-сайте Александрo-Антониновского храма:

<http://www.alant.orthodoxy.ru/letopis/pg-letopis-1.htm>

²² ГАКО, ф. 130, оп. 9, д. 3729, л. 36об.

²³ Прсят рабочих // Поволжский вестник (далее – ПВ), 9 августа 1915 года.

²⁴ См.: Открытие памятника В.С. Соколову // ПВ, 18 августа 1915 года; На призыв // ПВ, 21 августа 1915 года.

²⁵ Проводы учителя // ПВ, 31 марта 1916 года.

²⁶ Отчет о состоянии церковных школ Костромской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910/11 учебный год [составил епархиальный наблюдатель школ церковно-приходских и грамоты Костромской епархии Константин Казанский] // КЕВ, 1912, приложение к неоф. отд. №№ 12-16, с. 8-10.

²⁷ Там же, с. 34.

²⁸ Там же, с. 11-12.

²⁹ Подробнее об этом обществе см.: Александр, архиепископ Костромской и Галичский. Костромское церковно-историческое общество в XX веке (по материалам епархиальной печати) // КЕВ, 2008, № 1-2, с. 25-48.

³⁰ Отчет о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества за время от его открытия 3 июня 1912 года до 1 января 1914 года. Кострома, 1914, с. 14; КЕВ, 1915, № 9, отд. офиц., с. 208.

³¹ КЕВ, 1897, № 20, отдел II часть неоф., с. 581.

³² ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 108, л. 2.

³³ Открытие коммерческого училища // ПВ, 4 октября 1917 года.

³⁴ ГАКО, ф. 130, оп. 10, д. 1100, л. 2.

³⁵ Там же, л. 4.

³⁶ Там же, л. 3.

³⁷ Дата перевода отца Павла на служение в Селище многократно приводится в следственном деле 1934 года: Го-

сударственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 6179.

³⁸ ГАКО, ф. 130, оп. 1, д. 8161, л. 1.

³⁹ ГАКО, ф. Р-706.

⁴⁰ ГАКО, ф. Р-7, оп. 2, внутр. оп. 5-а, д. 4.

⁴¹ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 65.

⁴² Там же, л. 50 (протокол допроса 8 октября).

⁴³ Акт покупки дома от 15 мая 1925 года. Личный архив Н.Б. Острогской. На допросе 8 октября 1934 года отец Павел утверждал, что продал дом в 1934 году (ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 49об). Видимо, на самом деле речь шла о продаже лишь половины дома – по воспоминаниям родственников отца Павла, действительно состоявшейся в описываемое время.

⁴⁴ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 49об.

⁴⁵ Там же, л. 45об.

⁴⁶ Там же, л. 47.

⁴⁷ Архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по Жамбылской области, д. П-451, л. 10об.

⁴⁸ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 2485, л. 113об.

⁴⁹ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 8376, л. 79.

⁵⁰ Там же, л. 150 (протокол допроса 14 мая).

⁵¹ Там же, л. 151об.

⁵² ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 65, ч. 1, л. 131.

⁵³ Острогская Н.Б. О моем деде протоиерее Павле Острогском. Рукопись.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 49об-50.

⁵⁶ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6359, л. 10.

⁵⁷ В 1926 году Екатеринослав был переименован в Днепрпетровск.

⁵⁸ Горно-Шорский национальный район существовал в 1926-1939 годах. Как следует из писем епископа Макария к Р.А. Ржевской, священномученик находился в ссылке в селе Тетензе (в 1956 году Тетенза вошла в состав г. Мыски Кемеровской области).

⁵⁹ Спиридон (Кисляков; 1875-1930) – с 1915 года архимандрит, с 1917 года до кончины проживал в Киеве, основатель братства Сладчайшего Иисуса, духовный писатель.

⁶⁰ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 17.

⁶¹ Священномученик Никодим (Кротков; 1868-1938) – архиепископ Костромской и Галичский (1932-1936), скончался 21 августа 1938 года, находясь под следствием в тюрьме г. Ярославля; 27 марта 1995 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II прославлен в лике местночтимых святых Костромской епархии; Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года имя священномученика Никодима включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

⁶² Протокол допроса епископа Макария 19 октября 1934 года: ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, л. 17об.

⁶³ Ржевская, Раиса Александровна (1878-1937) – дворянка, двоюродная сестра епископа Макария (см.: Доненко Николай, протоиерей. Наследники Царства. Симферополь, 2000, с. 328), ближайшая помощница священномученика. В протоколе допроса Р.А. Ржевской 25 ноября 1934 года говорится: «Происхожу я из дворян. Отец мой – инспектор Военно-медицинской академии. Муж Ржевский Константин Константинович – врач. После смерти своего мужа я проживала [в] м[естечке?] Шпола Киевской области, откуда я выехала в 1922 году в гор. Киев. В гор. Киеве я более ближе познакомилась с Кармазиным Макарием, последний к этому времени управлял Киевской епархией. В 1927 году из гор. Киева я переехала в гор. Кунцево Московской области, епископ Макарий к этому времени находился в ссылке. За все время его нахождения в ссылке я с Макарием поддерживала переписку, одновременно оказывала материальную помощь. По возвращении из ссылки Кармазин поселился в г. Вязьме, куда вскоре переселилась и я, а позднее к нам переехала моя родственница Сегеркранц Мария Ивановна <...>. В 1933 году ноябрь м[есяц] из гор. Вязьмы Кармазин переехал на жительство в с. Селищи Костромского р[айо]на. Переехал он в Костромской р[айо]н по рекомендации его знакомой по Киеву Андреевской» (ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 79об-80).

⁶⁴ Сегеркранц, Мария Ивановна (1884 - не ранее 1962) – уроженка г. Лодзи, двоюродная сестра Р.А. Ржевской; в 1915-1918 годах медсестра санитарного поезда имени

цесаревича Алексея, начальником которого был Константин Ржевский, старшей сестрой поезда являлась Раиса Ржевская; в 1930 году осуждена по статье 58 УК на 5 лет заключения в исправительно-трудовом лагере (Уральская область, Красновишерск), в июне 1933 года освобождена условно-досрочно.

⁶⁵ Аракин, Николай Александрович (1892-?) – ленинградский инженер, в августе 1932 года осужден на 3 года административной высылки; проживал в Селище, работал бухгалтером на заводе «Рабочий металлист».

⁶⁶ Серебрянский, Николай Ильич (1872-1940) – профессор Московской духовной академии (1916-1919), научный сотрудник Академии наук в Ленинграде (1925-1930); в декабре 1930 года арестован по обвинению в принадлежности к монархической организации, приговорен к 10 годам заключения в Соловецком концлагере, по состоянию здоровья заключение для него было заменено ссылкой в сельское поселение (ныне город) Судиславль; по истечении срока ссылки переехал в Кострому и проживал в Селище.

⁶⁷ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, л. 12.

⁶⁸ Ивановская промышленная область существовала в 1929-1936 годах и включала в свой состав некоторые районы из состава упраздненной Костромской губернии.

⁶⁹ Обычные для документов того времени сокращения «к-р», «к/р» означают «контрреволюционный».

⁷⁰ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, лл. 51, 52, 54.

⁷¹ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 147; там же, ч. 2, л. 53.

⁷² ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 148.